

На правах рукописи

Кудреватых Анастасия Николаевна

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОЗЕ Н. М. КАРАМЗИНА

10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Ложкова Татьяна Анатольевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Зверева Татьяна Вячеславовна;

кандидат филологических наук, доцент
Приказчикова Елена Евгеньевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»

Защита состоится «15» января 2010 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.283.01 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, комн. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале научной библиотеки ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан « » декабря 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кубасов А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество Н.М. Карамзина традиционно привлекает к себе внимание исследователей. За писателем прочно утвердилось репутация главы русского сентиментализма - литературного направления, для представителей которого художественное постижение внутренней жизни человека было приоритетной творческой задачей. Карамзин отнюдь не был зачинателем сентименталистских традиций в отечественной словесности. Вступая на свое творческое поприще, он имел возможность опираться на достижения целого ряда предшественников - Ф. А. Эмина, В. А. Левшина, М. М. Хераскова и др. Почему же именно с Карамзиным, а не с этими авторами связано представление о зарождении русского литературного психологизма? Труды отечественных исследователей (Г.А. Гуковского, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Э Вацура, Ф.З. Кануновой, Д.Д. Благого, Е.Н.Купреяновой, Е.И. Осетрова, Н.Д. Кочетковой, П.А. Орлова, Л. А. Сапченко, С.Э. Павлович, Н.Г. Пурьскиной, Л.Г. Кислягиной, С.М. Аюпова, В.С. Соловьевой, Т. А. Каменецкой, С.Е. Подлесовой, В.С. Соловьевой, В.И. Глухова, С.М.Исуповой, С.Б. Калгановой, В.В. Биткиновой и др.) дают богатый материал для размышлений над данной проблемой. Разумеется, все литературоведы говорят о Карамзине как писателе-психологе, но, как правило, обращаются к анализу особенностей изображения внутреннего мира персонажей в его произведениях в той мере, в какой это необходимо для решения исследовательских задач, связанных с изучением специфики творческого метода писателя, его жанровых поисков.

Представление о своеобразии карамзинского психологизма до сих пор во многом основывается на анализе ранней прозы, в частности повести «Бедная Лиза». В то же время, по мнению многих исследователей, поздние произведения Карамзина (очерк «Чувствительный и холодный», неоконченный роман «Рыцарь нашего времени») положили начало целому ряду художественных тенденций в русской литературе XIX века. Однако в результате знакомства с научной литературой складывается впечатление, что в этих произведениях писатель, ставя новаторские творческие задачи, не делает принципиально новых открытий в области психологизма, используя те же приемы, что и в «Бедной Лизе» (поступок, мимика, жест, пейзаж, монолог и т.п.).

Между тем, сама степень творческой активности писателя в 1800-1803 гг., настойчивость его попыток снова и снова обратиться к художественному постижению внутренней жизни человека представляются нам не случайными. В трудах отечественных филологов (исследования Ю.М. Лотмана, Б.М. Эйхенбаума, Е.И. Осетрова, Л.Г. Кислягиной и др.) выявлена глубинная динамичность, свойственная личности Карамзина и обусловившая развитие его социально-политических взглядов, мировоззренческой позиции. Логично предположить, что эти изменения сказались и на литературной деятельности. Однако до сих пор отсутствуют специальные исследования эволюции конкретных форм психологизма в творчестве Карамзина. В необходимости такого изучения мы видим **актуальность** нашей работы. Целенаправленный анализ принципов и приемов изображения внутренней жизни человека на протяжении всей литературной деятельности писателя позволит внести большую ясность в понимание как специфики карамзинского психологизма, так и в решение проблемы его творческой эволюции.

Исходя из вышесказанного мы формулируем нашу рабочую гипотезу: творчество Н.М. Карамзина-психолога представляет собой динамичный процесс, обусловленный изменениями в мировоззрении, эстетической позиции писателя.

Объектом исследования является художественная проза Карамзина. Мы выбрали для анализа те произведения, в которых проблема раскрытия внутреннего мира человека является явно приоритетной и можно уверенно говорить о сознательной установке писателя на художественное постижение психологии персонажей.

Предмет исследования – принципы и приемы изображения внутренней жизни человека в прозе Карамзина.

Цель работы – проанализировав конкретные формы психологизма в произведениях, написанных в разные периоды творческой деятельности писателя, выявить логику его эволюции, охарактеризовать ее основные этапы.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Обобщить основные теоретические аспекты проблемы психологизма в художественной литературе, уточнить смысл, вкладываемый в понятие «литературный психологизм» в данной работе;
2. Проанализировать своеобразие карамзинского психологизма, его конкретных форм на разных этапах творческой деятельности писателя;
3. Проследить логику творческой эволюции Карамзина-психолога, ее магистральное направление;
4. Осмыслить значение творческих открытий Карамзина в области художественного психологизма для дальнейшего развития русской литературы.

Предмет, цель и задачи определили методы исследования: мы опираемся на типологический, сравнительно-исторический и системно-структурный методы анализа историко-литературных явлений, широко представленные в отечественном и зарубежном литературоведении. **Методологической основой** нашей работы являются труды по теории художественного психологизма Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Л.С Выготского, Л.Я. Гинзбург, А. Б. Есина, А. И. Иезуитова, Т.С. Карловой, И.В. Страхова, В. В. Компанейца, О. Ф. Потемкиной и др., обширный круг исследований прозы Н.М. Карамзина.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней уточняется значение и соотношение широко используемых в современной науке понятий «психологизм» и «психологический анализ».

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые описаны конкретные формы психологизма в прозе Н.М. Карамзина в аспекте их развития.

Научная значимость работы обусловлена тем, что впервые в отечественном литературоведении психологизм Карамзина рассматривается в динамике, выявлена логика и этапы его эволюции.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы могут быть широко использованы в преподавании школьных и вузовских курсов «История русской литературы XVIII века» и «История русской литературы XIX века», а также в спецкурсах и спецсеминарах по истории русской психологической прозы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Н.М. Карамзина-психолога представляет собой динамичный процесс, обусловленный логикой художественных поисков писателя. В этом процессе выделяются два связанных между собой детерминантными отношениями этапа, каждый из которых, обладает внутренним художественным единством, обусловленным как характером творческих задач, которые ставил перед собой Карамзин, так и способами их решения.

2. Своеобразие карамзинского психологизма на первом этапе определяется установкой на отход от «суммарно-обозначающей» (А.Б. Есин) формы психологизма, характерной для предшественников. Молодой писатель разрабатывает развитую систему приемов косвенного изображения эмоциональной жизни персонажей «извне» через описание многообразных внешних симптомов, признаков тех или иных переживаний, состояний, которая далее будет творчески воспринята многими русскими писателями – психологами. В то же время уже на этом этапе закладываются предпосылки для разработки прямой формы изображения душевного мира персонажей «изнутри», готовящие почву для качественных изменений в художественном стиле писателя.

3. Второй этап эволюции карамзинского психологизма характеризуется уверенным продвижением к разработке и внедрению в литературу прямой формы художественного изображения внутренней жизни человека. Творческая мысль писателя развивается в двух направлениях:

1. Поиск художественных средств, которые позволяли бы передать нюансы душевных состояний, не поддающиеся четкому словесному обозначению. Таким образом, в произведениях Карамзина закладывается фундамент для популярной у романтиков эстетической концепции «невыразимого»;

2. Другое направление связано с желанием Карамзина не только изображать характеры, но и осмысливать, объяснять закономерности их внутренней жизни, следствием чего становится усиление аналитического начала в его стилиевой манере.

4. В итоге своих творческих поисков, благодаря органичному сопряжению косвенной и прямой форм психологизма, Карамзин открывает возможности многостороннего изображения внутренней жизни личности, понимаемой как динамическое единство сознательного и бессознательного, интеллектуального и эмоционального. Важнейшим обретением Карамзина-психолога является художественное оформление идеи влияния среды, воспитания и обстоятельств на характер.

5. Репутация Карамзина как родоначальника психологизма в русской литературе основана на том, что в своем творчестве он не только поставил целый ряд задач, связанных с проблемой художественного постижения процессов внутренней жизни человека, но и наметил возможные пути их решения, что было по достоинству оценено и воспринято писателями–психологами последующей эпохи.

Апробация работы. Материалы исследования послужили основой для докладов на научных конференциях разного уровня: *межвузовских* научных конференциях молодых ученых «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2005, 2006, 2007, 2008); *всероссийских* конференциях «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2005), IV научно-практическая конференция аспирантов и соискателей «Философия и наука». (Екатеринбург, 2005), «Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения)» (Екатеринбург, 2007), «Littera Terra: Проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» (Екатеринбург, 2008), «Классика и современность: проблемы изучения и обучения» (Екатеринбург, 2009), «Лермонтовские чтения–III» (Екатеринбург, 2009), *международных* «Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Дергачевские чтения–2006» (Екатеринбург, 2006), «Русская литература: национальное своеобразие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций. Дергачевские чтения–2008» (Екатеринбург, 2008). Этапы исследования и его результаты обсуждались на заседаниях аспирантского семинара и заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета. Основные положения работы нашли отражение в 14 публикациях автора.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 209 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение состоит из двух разделов. В первом разделе обосновываются актуальность и новизна избранной темы, определяются цель, задачи и пути исследования поставленной проблемы, обусловившие логику работы.

Во втором разделе введения рассмотрены теоретические аспекты проблемы литературного психологизма. Ее сложность связана с многогранностью художественного психологизма как явления. Еще Д. Н. Овсянко-Куликовский, опираясь на идеи А. А. Потебни и разрабатывая основы психологического метода в литературоведении, утверждал существование органической связи между художественным и повседневным мышлением. Отсюда интерес исследователя к анализу, с одной стороны, психологического воздействия поэтических произведений на сознание читателя, к выявлению специфики психологического облика писателя, отражающегося в его творениях, а с другой стороны, к осмыслению психологического содержания художественных образов, тех закономерностей внутренней жизни человека, которые объективно отражаются в характерах персонажей. Эти идеи получили развитие, существенно углублялись и корректировались Л.С. Выготским, Л.Я. Гинзбург, А.Б. Есиным, Е.Г. Эткиндром, А.И. Иезуитовым, Т.С. Карловой, И.В. Страховым, В.В. Компанейцем, О.Ф. Потемкиной и др. В современном литературоведении выстроена система основных значений, связанных с термином «психологизм».

Во-первых, психологизм - родовый признак искусства слова, его органическое свойство. Всякое подлинное искусство так или иначе имеет дело с психологией человека, вольно или невольно обращается к ней. Во-вторых, психологизм может выступать как выражение и отражение в произведении психологии автора и, шире, общественной психологии, которая в свою очередь раскрывается через личность художника и созданные им образы героев. Художественное произведение воздействует и на сознание, эмоции того, кто текст воспринимает. Диалог между сознанием автора и сознанием читателя является сложным процессом, обусловленным определенными психологическими закономерностями. Наконец, психологизм понимается как специальная и целенаправленная разработка способов и форм воплощения внутренней жизни личности и ее раскрытия, организующий эстетический принцип художественного стиля, его доминанта как в конкретном произведении, так и в творческой манере писателя в целом.

Мы солидарны с исследователями, указывающими на недопустимость смешивания различных пониманий термина «психологизм»: универсального, свойственного всей литературе, и «узкого», специального, характеризующего лишь часть художественных произведений.

В рамках нашего исследования актуально именно «узкое» понимание, согласно которому психологизм представляет собой способ построения образа, воспроизведения и осмысления того или иного жизненного характера, характеризует стилевое своеобразие произведения или индивидуальной творческой манеры автора, являя собой особую систему элементов художественной формы, в которой все изобразительно-выразительные средства служат главной цели – постижению внутреннего мира персонажей.

По мнению некоторых исследователей, различие между «широким» и «узким» пониманием психологизма следует закрепить терминологически: в случаях, когда мы имеем дело с сознательным эстетическим принципом, целевой установкой автора на постижение внутреннего мира героев, более уместно использовать термин «психологический анализ»¹.

Такая постановка проблемы выводит нас на размышления о формах, в которых реализуется психологизм как сознательный эстетический принцип, стилевая доминанта в творчестве конкретных писателей. В результате наблюдений за обширным художественным материалом многие исследователи приходят к выводу о том, что можно выделить две доминирующие формы психологизма в литературе:

1. изображение внутренней жизни человека «извне», с точки зрения стороннего наблюдателя через описание, характеристику внешних проявлений тех или иных эмоций, состояний (мимика, жест, поступок, монолог, диалог с другими героями и т.п.). Читатель должен осмыслить, сопоставить предложенные ему факты и сделать выводы о том, что происходит в душе героя произведения – косвенная форма;

2. герой раскрывается «изнутри» - через исповеди, дневники, письма, в которых он сам рассказывает о своем состоянии, либо через прямые авторские комментарии, размышления о чувствах персонажа – прямая форма².

В сущности, и та, и другая форма аналитичны. В первом случае анализ оказывается прерогативой читательского сознания. Разумеется, это возможно только при условии, что писатель сам в процессе написания произведения проделал огромную работу, осмыслил скрытые от внешнего взгляда тайники души своих персонажей и предложил читателю адекватные внешние их проявления. Фактически анализ в такой форме присутствует имплицитно, как бы за текстом собственно художественного произведения. Во втором случае анализ представлен эксплицитно, проявлен в самой ткани художественного повествования.

Однако в работах А.Б. Есина указывается на существование еще одной формы психологизма – «суммарно-обозначающей», Эта форма предполагает лишь название, краткое обозначение процессов, которые

¹ См. об этом, например: Компанеец В. В. Художественный психологизм как проблема исследования. – Русская литература. - 1974. - № 1. С. 52.

² См.: Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М.: INTRADA. 1999 – С. 297. Страхов И.В. Психологический анализ в литературном творчестве. Саратов, 1973. Ч.1. С. 3-4.

протекают во внутреннем мире персонажей, указывает на них, но не раскрывает их содержания³. Она представлена в поэмах Гомера, народных сказках, «Песне о Роланде» и др. Суммарно-обозначающая форма не предполагает аналитических усилий со стороны читателя – чувство точно названо, обозначено. Нет здесь и попыток автора художественно постичь закономерности внутреннего процесса, проследить его этапы.

А.Б. Есин полагает, что о психологизме как особом, качественно определенном явлении, характеризующем своеобразие стиля данного художественного произведения или писателя, можно говорить только тогда, когда в литературу входит и становится ведущей прямой формой изображения душевных движений и мыслительных процессов, в том числе таких, которые не находят или не всегда находят внешнее выражение. При этом суммарно-обозначающая форма не уходит из литературы, но вступает во взаимодействие с прямой и косвенной, что обогащает и углубляет каждую из них. Эти рассуждения представляются нам вполне убедительными. Таким образом, психологизм как особый организующий эстетический принцип художественного стиля, реализуется в произведении с помощью специфических средств психологического анализа, характерных для прямой или косвенной формы изображения внутренней жизни персонажей.

Первая глава «Изображение внутренней жизни человека в ранних произведениях Н.М. Карамзина» состоит из трех разделов, в которых последовательно прослеживается процесс зарождения и функционирования психологизма на начальном этапе творческой эволюции Н.М. Карамзина.

В первом параграфе (**«В начале пути: первые опыты постижения человеческого характера в ранней прозе**

Н. М. Карамзина») осуществлен сопоставительный анализ литературных опытов начинающего автора и произведений

Ф.А. Эмина, П.Ю. Львова, Н.Ф. Эмина. Писатели, закладывавшие основы русского сентиментализма, достигли некоторых успехов в изображении внутреннего мира человека. Однако в целом они использовали содержательный и стилевой арсенал привычной и знакомой читателю классицистической художественной системы. В ранних сентименталистских произведениях широко представлены рассуждения о человеческих чувствах, морализирование по их поводу, но нет изображения самих чувств. Герои пытаются выразить свое состояние, но им удается лишь обозначить его, назвать в соответствии с характерной еще для классицизма традицией суммарно-обозначающей формы психологизма.

Н. М. Карамзин в своих ранних произведениях учитывал накопленный предшественниками опыт. Однако уже здесь заметен новаторский подход к решению проблемы изображения человеческой душевной жизни. Писатель освобождается от дидактизма, назидательности, умозрительной схематичности характеров и стремится к художественной достоверности картин частной жизни, изображая проявления человеческих эмоций и переживаний непосредственно, в насыщенных жизненной динамикой образах (повесть «Евгений и Юлия»). Утраченную в результате отказа от эпистолярной формы субъективность повествования Карамзин восстанавливает благодаря введению в сюжет произведения образа автора-повествователя, внутренний мир которого также становится объектом художественного изображения (похвальное слово «Фрол Силин, благодетельный человек»).

Предметом анализа во втором параграфе **«Рождение мастера: "Бедная Лиза" как этап творческого самоопределения**

Н. М. Карамзина-психолога» является повесть, принесшая писателю общероссийскую славу. В «Бедной Лизе» Н.М. Карамзин в полной мере сумел реализовать творческие установки, намеченные в юношеских произведениях. Писатель предпочитает взгляд на внутреннюю жизнь Лизы и Эраста «извне». Он говорит о разнообразных внешних проявлениях чувств, на основе которых читатель должен, опираясь на свой эмоциональный опыт, понять, что происходит в душе персонажей. Карамзин даёт возможность и самим героям высказаться о своих переживаниях через монологи и диалоги, но даже в них Лиза и Эраст не выражают свое состояние открыто. Читатель сам догадывается о характере чувств по предполагаемым внешним их признакам в воображаемой героями ситуации. Таким образом, в «Бедной Лизе» осваивается и обогащается косвенная форма психологизма.

Системообразующим в «Бедной Лизе», на наш взгляд, является образ автора-личного повествователя. Именно он оказывается способным наиболее точно описать внешние симптомы переживаний, поскольку, будучи наблюдателем человеческих нравов и носителем естественной точки зрения на происходящее, образным воплощением идеала «чувствительного человека», служит для читателей этическим и эстетическим ориентиром. Произведение оказывается косвенной исповедью повествователя, поскольку рассказанная им история - в определенной степени плод его воображения, фантазии. О несчастной любви Лизы он услышал от Эраста, но тот мог рассказать далеко не обо всех моментах внутренней жизни героини, поскольку не был свидетелем ее уединенных мечтаний, ее трагических переживаний в момент самоубийства и т.п. Автор, таким образом, вынужден в своем воображении домысливать, додумывать эти моменты и предлагать читателю образы, несущие на себе отпечаток его субъективной фантазии. Тем самым рассказ об истории Лизы и Эраста в определенном отношении оказывается формой самовыражения авторской души. На наш взгляд, именно с

³ Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Изд-во «Флинта», 2003- С.13.

образом автора связаны первые попытки Карамзина перейти к прямому изображению переживаний как личного повествователя, так и героев – через комментарии к происходящему с Лизой и Эрастом и открытое выражение авторских эмоций по поводу повествуемого.

В третьем разделе **«Первые итоги и перспективы: "Наталья, боярская дочь"»** предпринят анализ произведения, которое, с нашей точки зрения, завершает первый этап эволюции карамзинского психологизма. В повести «Наталья, боярская дочь» писатель собрал воедино многое из того, что было им уже накоплено, широко используя приемы, характерные для косвенной формы психологизма.

В то же время в данной повести намечаются и новые направления творческих поисков Карамзина.

Во-первых, частные наблюдения за конкретными перипетиями внутренней жизни персонажей становятся материалом для аналитических обобщений, размышлений. Если в «Бедной Лизе» психологический анализ присутствовал имплицитно, оставаясь в большей степени прерогативой читательского сознания, то теперь обнаруживается тенденция к открытому аналитизму повествовательной манеры. Писатель изображает душевную жизнь героев не только в виде готовых, завершенных состояний, но стремится уловить и передать процесс их зарождения, перехода одного в другое. Делаются и первые, очень эскизные попытки обрисовать условия и обстоятельства, оказавшие влияние на характеры героев.

Во-вторых, Карамзин начинает понимать, что изображение внешних симптомов человеческих чувств не может дать полного представления о происходящем в душе, поскольку далеко не все переживания получают адекватное внешнее оформление. Именно в этой ранней повести Карамзин обнаруживает интерес к художественному изображению тонких, не поддающихся прямому словесному определению состояний.

Вторая глава «Своеобразие психологизма в карамзинской прозе 1793-1803 гг.» включает в себя четыре раздела.

На втором этапе творческой эволюции логика художественных поисков писателя определяется постепенным переходом от изображения переживаний, эмоциональных состояний в живой жизненной конкретике к решению задачи их художественного постижения, анализа и далее – объяснения. В каждом из проанализированных нами произведений обнаруживается новый поворот творческой мысли Карамзина, подготовленный предшествующими открытиями.

Объектом анализа в первом разделе **«"Невыразимое подвластно ль выраженью?": постижение душевных загадок в "таинственных" повестях»** становятся повести «Остров Борнгольм и «Сиерра-Морена». В этих произведениях внимание писателя сосредоточено на поиске художественных средств, позволяющих передать сложные нюансы душевных состояний, не поддающиеся четкому словесному обозначению. Карамзин находит оригинальное решение трудной задачи. В поэтике его повестей мы увидели явную близость традициям жанра баллады. На первом плане в обеих повестях оказывается состояние авторской души, потрясенной открывшейся картиной чудесного, взвихренного, полного трагических противоречий и антиномий мира и замершей в молчании, которое оказывается красноречивее слов, что характерно для балладного жанра. Роднят повести с балладой экзотичность художественного мира, острая динамичность развития действия, необычайность сюжетных ситуаций, сила страстей, бушующая в сердцах героев, для которых любовь сильнее жизни и смерти. Использование элементов балладной поэтики позволяет писателю проникнуть в глубину сознания персонажей и повествователя, передать не только те чувства, о которых они говорят прямо, но и те, о которых они по разным причинам умалчивают. В результате Карамзин добивается нужного эффекта и достигает определенных успехов, прокладывая дорогу идущим следом романтикам.

Во втором параграфе **«В глубины бессознательного: "Моя исповедь"»** анализируется одно из самых малоизученных и дискуссионных произведений Карамзина. Интерес к скрытым сторонам душевной жизни человека, заявленный в «таинственных повестях», побуждает писателя искать новые способы художественного проникновения в загадки человеческого сознания. «Моя исповедь» представляет собой откровения некоего графа NN, адресованные издателю журнала. Повествователь оказывается главным и единственным героем повести. Такой тип субъектной организации был впервые освоен Карамзиным в повести «Сиерра-Морена». Теперь писатель стремится максимально полно реализовать его возможности. В результате герой предстает перед читателем в двойном освещении: таким, каким он кажется окружающим его людям, близким, родным, и таким, каким он сам видит себя. Граф NN рассказывает о конкретных фактах своей неприглядной биографии, о реакции окружающих на его выходки и одновременно комментирует их. Он словно сам со стороны наблюдает за собой и объясняет себе и потенциальным читателям исповеди свои побуждения. Думается, что в произведении Карамзина мы обнаруживаем первые зачатки той рефлексии, самоанализа, которые позже блестяще будут представлены в гениальном романе Лермонтова «Герой нашего времени».

Стремление героя бесстыдно обнажить душу – не только очередной эксперимент над своей жизнью, но и знак того, что за внешней, словесной стороной циничных откровений кроется внутренняя драма, в которой граф NN себе не признается. Писатель только намекнул на нее, введя в сюжет мотив страшного, мучительного сна, но не решился, или не сумел в полной мере эту драму раскрыть. Однако мысль о том, что личность не исчерпывается уровнем сознания, но включает в себя и момент бессознательного, представляется нам весьма перспективной.

В параграфе 3 «**Плоды "ума холодных наблюдений" в очерке "Чувствительный и холодный"**» рассматривается произведение, в котором Карамзин впервые поставил цель – художественно исследовать два противоположных характера, представляющие собой единичное воплощение двух общечеловеческих психологических типов. Чтобы достичь поставленной цели, он прослеживает жизнь Эраста и Леонида от рождения до смерти.

В очерке «Чувствительный и холодный» заметно усиливается аналитизм повествовательной манеры Карамзина. Судьбы Эраста и Леонида – лишь доказательство истинности авторского мнения о врожденности определенных человеческих свойств. В ходе работы над очерком заметно усложнилась палитра художественных средств, используемых Карамзиным. Писатель явно не удовлетворен приемами косвенного изображения внутренней жизни персонажей, разработанными в более ранних произведениях (поступки, жесты, мимика). Он пытается показать душу героев и «изнутри», что обуславливает повышение интереса к таким приемам, как диалоги и монологи, в том числе внутренние, письмо, совмещение зоны сознания автора-повествователя и героя. С нашей точки зрения, именно в этом произведении Карамзин, не отказываясь от косвенного психологизма, наконец, осваивает и прямую его форму.

Впервые в творческой биографии Карамзина чувствительный герой оказывается не выразителем авторской позиции, как это было в «Бедной Лизе», и не художественным воплощением авторского идеала, но становится объектом пристального анализа, писательской рефлексии. Карамзин внимательно всматривается не только в общечеловеческий психологический тип, представленный в характере Эраста, но и в тот литературный образ, который приобрел в творчестве сентименталистов статус эстетического и этического идеала. Предпринятый в очерке анализ приводит писателя к мысли, что данный психологический тип – отнюдь не воплощение этической или эстетической нормы, но всего лишь один из целого ряда различных вариантов внутренней человеческой организации, и, как любой из этих вариантов, он обладает своими достоинствами и недостатками. Думается, что это открытие в перспективе вело Карамзина к выходу за границы эстетической системы сентиментализма, формированию которой он так способствовал в своем раннем творчестве. Писатель внес в русскую литературу дух анализа, во многом воспринятый последователями, сосредоточившими свои усилия на художественном постижении закономерностей душевного бытия человека.

Каковы итоги творческих поисков Карамзина-психолога? Этот вопрос рассматривается в разделе «**История души человеческой в неоконченном романе "Рыцарь нашего времени"**». Последнее крупное прозаическое произведение писателя богато открытиями, существенно повлиявшими на дальнейшее развитие русской литературы. Пожалуй, главным из них стала мысль о том, что, изображая и изучая некоторые обстоятельства жизни героя, особенно в раннем детстве, можно понять и объяснить многие свойства человеческого характера. Герой Карамзина проходит своеобразную школу «воспитания чувств»: врожденные от природы качества развиваются в полной мере только в том случае, если окружающая действительность дает возможности для их активного проявления. Отсюда внимание писателя к реальности, окружающей героя, стремление к более широкому, чем в ранних произведениях, изображению жизненных обстоятельств. Этот поворот художественной мысли Карамзина был очень перспективным, вел к открытию взаимосвязей между характером и средой, актуальному для писателей-реалистов.

Меняется и значение образа автора в раскрытии характера персонажа. Личный повествователь утрачивает монополию на полное понимание внутренней жизни героя, что делает необходимым включение в повествование других точек зрения, других мнений. Мы увидели, что в данном произведении Карамзин широко использует приемы как косвенного психологизма, изображая внутренний мир героев с точки зрения внешних наблюдателей (повествователь, другие персонажи), так и прямого, «изнутри», благодаря открытым высказываниям героев о своих переживаниях, чувствах (письма, монологи), что заметно обогащает стилевую манеру писателя. Так прокладывается дорога к многостороннему изображению сложного мира человеческой души, что в полной мере будет осуществлено в творчестве реалистов.

Наконец, в романе «Рыцарь нашего времени» эскизно намечается и возможность показа характера в движении, эволюции. Все это позволяет, на наш взгляд, воспринимать это произведение как этапное не только в творческой биографии Карамзина, но и в историко-литературном процессе начала XIX века.

В Заключении обобщаются достигнутые результаты.

В ходе нашего исследования получила подтверждение рабочая гипотеза, согласно которой творчество Н.М. Карамзина-психолога – динамичный процесс, развивавшийся как под влиянием изменений в мировоззрении, эстетической позиции писателя, так и в силу внутренних факторов, определявших логику художественных поисков писателя. Мы выделили в этом процессе два этапа, с одной стороны, связанных между собой отношениями детерминантного характера (второй этап базируется на опыте и художественных открытиях первого), а с другой – обладающих внутренней целостностью, обусловленной как характером творческих задач, которые ставил перед собой Карамзин, так и способами их решения.

Своеобразие психологизма в ранних произведениях Карамзина определяется установкой писателя на отказ от суммарно-обозначающей формы воспроизведения внутренней жизни человека, тяготение к которой заметно в произведениях его предшественников, первых русских сентименталистов, не сумевших освободиться от влияния эстетических традиций классицизма. Молодой писатель осваивает и обогащает приемы косвенного

изображения психологии персонажей через описание многообразных внешних симптомов, признаков тех или иных эмоций, состояний, которая далее будет творчески воспринята многими русскими писателями – психологами.

Однако уже на первом этапе своей творческой эволюции Карамзин стремится увидеть за конкретными переживаниями героев общие закономерности душевной жизни человека. Если поначалу психологический анализ в его повестях присутствует имплицитно, то в завершающем этапе произведении «Наталья, боярская дочь» обнаруживается тенденция к открытому аналитизму повествовательной манеры.

Осмысление опыта, накопленного в ходе работы над ранними повестями, подводит Карамзина к пониманию недостаточности приемов косвенного психологизма. У него возникает интерес к художественному изображению тайных, скрытых от внешнего взгляда, а порой и от самого человека, аспектов личности.

Наконец, благодаря использованию образа автора как особой, персонифицированной, сюжетно проявленной формы выражения писательской позиции, повествование в ранних произведениях Карамзина заметно субъективизируется, художественная картина мира в значительной мере оказывается проекцией эмоционального состояния, внутренней жизни личного повествователя, который становится одним из главных персонажей и объектов художественного постижения. С одной стороны, такая форма субъектной организации придает стилю ранних произведений Карамзина особую экспрессивность, эмоциональную выразительность, а с другой – открывает дорогу и к прямому изображению эмоциональных состояний «изнутри».

Своеобразие карамзинского психологизма на втором этапе обусловлено поиском способов, позволяющих решить поставленные в ранней прозе задачи.

Можно выделить два главных направления в движении творческой мысли художника.

Первое направление связано со стремлением найти такие средства, которые позволяли бы передать нюансы душевных состояний, не поддающиеся четкому словесному обозначению. Обращает на себя внимание оригинальность и смелость творческого мышления Карамзина, не боящегося экспериментировать с разными художественными формами. Так, активно используя элементы балладной поэтики в повестях «Остров Борнгольм» и «Сиерра-Морена», писатель достиг значительных успехов в области изображения тех сторон внутренней жизни человека, которые позже станут объектом пристального внимания писателей-романтиков. Мы полагаем, что суть открытия Карамзина в данных повестях заключается не только в том, что он первым изобразил новые для русской литературы характеры и коллизии, но и заложил художественный фундамент эстетической концепции «невыразимого».

Не менее важными представляются открытия, сделанные в повести «Моя исповедь». Именно в этом произведении Карамзин актуализирует задачу разработки формы психологического изображения характера «изнутри», приближается к художественному осмыслению сферы бессознательного.

Второе направление поисков мы связываем с желанием Карамзина не только изображать характеры, но и осмысливать, объяснять закономерности их внутренней жизни, обусловившим уверенное обращение к прямой форме психологизма в очерке «Чувствительный и холодный». Писатель исследует возможности художественного познания характера, проникновения в общие закономерности человеческой психологии. В рассуждениях личного повествователя – мудрого наблюдателя человеческих нравов и судеб, представлена широкая, подробно прокомментированная картина эмоциональной и интеллектуальной жизни героев. Именно в этом произведении оформляется новое качество карамзинского художественного стиля – аналитизм. Характерно, что, разрабатывая и осваивая новые приемы прямого психологического изображения, Карамзин не отказывается от старых, привычных, но стремится к их органическому сопряжению, что представляется нам в высшей степени оправданным, поскольку дает возможность разностороннего освещения человеческого характера как «извне», так и «изнутри».

Роман «Рыцарь нашего времени» – итоговое произведение, завершающее эволюцию Карамзина как писателя-психолога. Широко используя и сопрягая приемы, органичные и для косвенной, и для прямой форм психологизма, художник изображает характер как динамическое единство сознательного и бессознательного, интеллектуального и эмоционального в его становлении, развитии, во многом обусловленном обстоятельствами. Тем самым характер оказывается сложной системой различных составляющих, как приобретенных под влиянием окружающей среды, так и врожденных, изначальных.

В «Рыцаре нашего времени» окончательно оформляется и мысль Карамзина о невозможности сведения характера к какому-то однозначному представлению о нем. Личный повествователь перестает занимать позицию всеведения, важное значение получают точки зрения других персонажей, в определенной мере корректирующие авторский взгляд. Формальная «незавершенность» романа оказывается художественным воплощением идеи незавершенности и принципиальной незавершенности истории человеческой души.

Таким образом, Н.М. Карамзин занимает особое место в процессе формирования психологизма в русской литературе. Фактически именно он начал не просто словесно обозначать, но изображать внутреннюю жизнь личности, обогатил косвенную и ввел в литературу прямую форму психологизма. В своем творчестве писатель поставил целый ряд задач, связанных с проблемой художественного постижения процессов внутренней жизни человека и обозначил возможные пути их решения. В этом отношении Карамзин является родоначальником психологизма в русской литературе. Им были подготовлены многие открытия гениальных писателей-психологов XIX века.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

I. Работа, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК МОиН РФ:

1. Кудреватых, А. Н. «Чувствительный и холодный. Два характера»: новые грани карамзинского психологизма [Текст] / А. Н. Кудреватых // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия Филология. – № 7. – Челябинск, 2009. – С. 263 – 273 (0,8 п.л.).

II. Другие публикации:

2. Кудреватых, А. Н. Принципы и приемы «тайного» психологизма в повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза» [Текст] / А. Н. Кудреватых, Т. А. Ложкова // Проблемы жанра и стиля в литературе: сборник научных трудов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 38-50 (авт. 0,6 / 0,4 п.л.);

3. Кудреватых, А. Н. Своеобразие карамзинского психологизма в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Изучение творческой индивидуальности в системе филологического образования: профильные классы: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции «Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: наука-вуз-школа». Екатеринбург, 24-25 марта 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т, Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». Екатеринбург, 2005. – С. 107-111 (0,5 п. л.);

4. Кудреватых, А. Н. Принципы и приемы аналитического психологизма в очерке Н.М. Карамзина «Чувствительный и холодный» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Littera terra: сборник студенческих и аспирантских научных трудов. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2005. - С. 5-17 (0,8 п.л.);

5. Кудреватых, А. Н. Идеи западноевропейских просветителей в творческой практике Н.М.Карамзина [Текст] / А. Н. Кудреватых // Философия и наука: материалы IV-й Всероссийской конференции аспирантов и соискателей 11 мая 2005 года, Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 100 -102 (0,2 п.л.);

6. Кудреватых, А. Н. Своеобразие психологизма в прозе Н.М. Карамзина [Текст] / А. Н. Кудреватых // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. IX областной конкурс научно-исследовательских работ студентов высших учебных заведений. Сборник тезисов работ-призеров. Направление «Гуманитарные науки» / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 88-89 (0, 1 п.л.);

7. Кудреватых, А. Н. Очерк «Чувствительный и холодный» как этапное произведение в творческой эволюции Н.М. Карамзина [Текст] / А. Н. Кудреватых // Человек в мире культуры: Сборник материалов межвузовской научной конференции молодых ученых. Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 32-34 (0,1 п.л.);

8. Кудреватых, А. Н. Жанровые традиции «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: к постановке проблемы [Текст] / А. Н. Кудреватых // Человек в мире культуры. Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов, Екатеринбург. – Вып. 2 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 126-129 (0,2 п.л.);

9. Кудреватых, А. Н. Сентименталистская концепция человека и ее художественное воплощение в повести Н.М. Карамзина «Евгений и Юлия» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Littera terra: межвузовский сборник студенческих и аспирантских научных трудов. – Вып. 2. –Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 5-12 (0,3 п.л.);

10. Кудреватых, А. Н. Мастерство психологического анализа в неоконченном романе Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Русская классика: динамика художественных систем: сборник научных трудов. – Вып. 2 – Екатеринбург / Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 77-88 (0,4 п.л.);

11. Кудреватых, А. Н. Образ «русского европейца» как тип культурной личности в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина [Текст] / А. Н. Кудреватых // Человек в мире культуры: материалы научной конференции молодых ученых, 15 апреля 2007 г., Екатеринбург. – Вып. 3. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – С. 60-62 (0,2 п.л.);

12. Кудреватых, А. Н. Своеобразие творческой эволюции Н. М. Карамзина (к постановке проблемы) [Текст] / А. Н. Кудреватых // Littera terra: межвузовский сборник студенческих и аспирантских научных трудов. Вып. 3 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – С. 4-17 (0,8 п.л.);

13. Кудреватых, А. Н. Мир светской культуры в повести Н.М. Карамзина «Юлия» [Текст] / А. Н. Кудреватых // Человек в мире культуры: материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых, 24 апреля 2008 г., Екатеринбург. – Вып. 4 / Урал. гос. пед. ун-т; Межвузовский центр по преподаванию культурологии. – Екатеринбург, 2008. – С. 100-103 (0,2 п.л.);

14. Кудреватых, А. Н. «Наталья, боярская дочь» как этапное произведение в творческой биографии Н. М. Карамзина [Текст] / А. Н. Кудреватых // Littera terra: материалы Всероссийской заочной конференции молодых ученых. – Вып. 4 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – С. 113-126 (0,8 п.л.).

Подписано в печать 09.12.2009 г. Формат 60x84 1/16. Бумага для множ. ап.

Печать на ризографе. Усл. печ. лист. 1,1. Тираж 100 экз. Заказ _____

Уральский государственный педагогический университет.

Отдел множительной техники. 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru